

faust-146095-63be

Фауст

Иоганн Вольфганг Гёте

Сюжет трагедии взят из народной немецкой книги о докторе-алхимике. Иоганн Фауст жил в XVI веке, слыл магом и чернокнижником и, отвергнув современную науку и религию, продал душу дьяволу. О докторе Фаусте ходили легенды, он был персонажем театральных представлений, к его образу обращались в своих книгах многие авторы. Но под пером великого Гете драма Фауста, связанная вечной темой познания жизни, стала вершиной мировой литературы и обрела бессмертие.

Комментарии Н. Вильмонт.

Иоганн Вольфганг Гете

Фауст

Посвящение[1 - «Посвящение» к «Фаусту» написано 24 июня 1797 года. Как и «Посвящение» к собранию сочинений Гёте, оно написано октавами – восьмистрочной строфой, весьма распространенной в итальянской литературе и впервые перенесенной Гёте в немецкую поэзию. «Посвящением» к «Фаусту» Гёте отметил знаменательное событие – возвращение к работе над этой трагедией (над окончанием первой ее части и рядом набросков, впоследствии вошедших в состав второй части).]

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощение,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыхание ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.

Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто жил в тот полдень лучезарный, Опять припоминаю
благодарно.

Им не услышать следующих песен,

Кому я предыдущие читал.[2 - Из слушателей первых сцен «Фауста» умерли к тому времени (1797): сестра поэта Корнелия Шлоссер, друг юности Мерк, поэт Ленц; другие, как-то: поэты Клопшток, Клингер, братья Штольберги жили вдали от Веймара и в отчуждении от Гёте; отчуждение наблюдалось тогда и между Гёте и Гердером.]

Распался круг, который был так тесен,

Шум первых одобрений отзвучал.

Непосвященных голос легковесен,

И, признаюсь, мне страшно их похвал,

А прежние ценители и судьи

Рассеялись, кто где, среди безлюдья.

И я прикован силой небывалой

К тем образам, нахлынувшим извне,

Эоловою арфой прорыдало

Начало строф, родившихся вчерне.

Я в трепете, томленье миновало,

Я слезы лью, и тает лед во мне.

Насущное отходит вдаль, а давность,

Приблизившись, приобретает явность.

Театральное вступление[3 - Написано в 1797 (1798?) году.
Комментаторами считается подражанием драме индийского писателя
Калидасы «Сакунтала», которую Гёте расценивал как «одно из
величайших проявлений человеческого гения». Во всяком случае, и
драме Калидасы предпослан пролог, в котором происходит беседа
между директором театра и актрисой.]

Директор театра, поэт и комический актер

Директор

Вы оба, средь несчастий всех

Меня дарившие удачей,

Здесь, с труппою моей бродячей,

Какой мне прочите успех?

Мой зритель в большинстве неименитый,

И нам опора в жизни – большинство.

Столбы помоста врыты, доски сбиты,

И каждый ждет от нас невесть чего.

Все поднимают брови в ожиданье,

Заранее готовя дань признанья.

Я всех их знаю и зажечь берусь,

Но в первый раз объят такой тревогой.
Хотя у них не избалован вкус,
Они прочли неисчислимо много.
Чтоб сразу показать лицом товар,
Новинку надо ввести в репертуар.
Что может быть приятней многолюдства,
Когда к театру ломится народ
И, в ревности дойдя до безрассудства,
Как двери райские, штурмует вход?
Нет четырех, а ловкие проныры,
Локтями в давке пробивая путь,
Как к пекарю за хлебом, прут к кассиру
И рады шею за билет свернуть.
Волшебник и виновник их наплыва,
Поэт, сверши сегодня это диво.

Поэт

Не говори мне о толпе, повинной
В том, что пред ней нас оторопь берет.

Она засасывает, как трясина,
Закручивает, как водоворот.
Нет, уведи меня на те вершины,
Куда сосредоточенность зовет,
Туда, где божьей созданы рукою
Обитель грез, святилище покоя.

Что те места твоей душе навеют,
Пускай не рвется сразу на уста.
Мечту тщеславье светское рассеет,
Пятой своей растопчет суета.
Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

Комический актер

Довольно про потомство мне долбили.
Когда б потомству я дарил усилья,

Кто потешал бы нашу молодежь?
В согласие с веком быть не так уж мелко.
Восторги поколения – не безделка,
На улице их не найдешь.
Тот, кто к капризам публики не глух,
Относится к ней без предубеждения.
Чем шире наших слушателей круг,
Тем заразительнее впечатление.
С талантом человеку не пропасть.
Соедините только в каждой роли
Воображение, чувство, ум и страсть
И юмора достаточную долю.

Директор

А главное, гоните действий ход
Живей, за эпизодом эпизод.
Подробностей побольше в их развитии,
Чтоб завладеть вниманием зевак,
И вы их победили, вы царите,

Вы самый нужный человек, вы маг.
Чтобы хороший сбор доставить пьесе,
Ей требуется сборный и состав.
И всякий, выбрав что-нибудь из смеси,
Уйдет домой, спасибо вам сказав.
Насуйте всякой всячины в кормежку:
Немножко жизни, выдумки немножко,
Вам удастся этот вид рагу.
Толпа и так все превратит в окрошку,
Я дать совет вам лучший не могу.

Поэт

Кропанье пошлостей – большое зло.
Вы этого совсем не сознаете.
Бездарных проходимцев ремесло,
Как вижу я, у вас в большом почете.

Директор

Меня упрек ваш, к счастью, миновал.
В расчете на столярный матерьял
Вы подходящий инструмент берете.
Задумались ли вы в своей работе,
Кому предназначается ваш труд?
Одни со скуки на спектакль идут,
Другие – пообедав до отвала,
А третьи – ощущая сильный зуд
Блеснуть суждением, взятым из журнала.
Как шлятся толпой по маскарадам
Из любопытства, на один момент,
К нам ходят дамы щегольнуть нарядом
Без платы за ангажемент.
Собою упоенный небожитель,
Спуститесь вниз на землю с облаков!
Поближе присмотритесь: кто ваш зритель?
Он равнодушен, груб и бестолков.
Он из театра бросится к рулетке
Или в объятья ветреной кокетки.
А если так, я не шутя дивлюсь:

К чему без пользы мучить бедных муз?

Валите в кучу, поверху скользя,

Что подвернется, для разнообразья.

Избытком мысли поразить нельзя,

Так удивите недостатком связи.

Но что случилось с вами? Вы в экстазе?

Поэт

Ступай, другого поищи раба!

Но над поэтом власть твоя слаба,

Чтоб он свои священные права

Из-за тебя смешал преступно с грязью.

Чем сердце трогают его слова?

Благодаря ли только громкой фразе?

Созвучный миру строй души его –

Вот этой тайной власти существо.

Когда природа крутит жизни пряжу

И вертится времен веретено,

Ей все равно, идет ли нитка глаже

Или с задоринками волокно.

Кто придает, выравнивая прялку,

Тогда разгон и плавность колесу?

Кто вносит в шум разрозненности жалкой

Аккорда благозвучье и красу?

Кто с бурей сближает чувств смятенье?[4 - Гёте дает здесь краткую характеристику трех основных жанров поэзии: «Кто с бурей сближает чувств смятенье» характеризует драму; «Роднит печаль с закатом у реки» – эпос; «Чьей волею цветущее растение //На любящих роняет лепестки» – лирику.]

Кто грусть роднит с закатом у реки?

Чьей волею цветущее растение

На любящих роняет лепестки?

Кто подвиги венчает? Кто защита

Богам под сенью олимпийских рощ?

Что это? – Человеческая мощь,

В поэте выступившая открыто.

Комический актер

Воспользуйтесь же ей по назначенью.

Займитесь вашим делом вдохновенья

Так, как ведут любовные дела.

Как их ведут? Случайно, спрохвала.

Дружат, вздыхают, дуются, – минута,

Другая, и готовы путы.

Размолвка, объяснение, – повод дан,

Вам отступленья нет, у вас роман.

Представьте нам такую точно драму.

Из гущи жизни загребайте прямо.

Не каждый сознает, чем он живет.

Кто это схватит, тот нас увлечет.

В заквашенную небылицу

Подбросьте истины крупицу,

И будет дешев и сердит

Напиток ваш и всех прельстит.

Тогда-то цвет отборной молодежи

Придет смотреть на ваше откровенье

И будет черпать с благодарной дрожью,

Что подойдет ему под настроенье.

Не сможет глаз ничей остаться сух.

Все будут слушать, затаивши дух.
И плакать и смеяться, не замедлив,
Сумеет тот, кто юн и желторот.
Кто вырос – тот угрюм и привередлив,
Кому еще расти – тот все поймет.

Поэт

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди
И вереницей непрерывной
Теснились песни из груди.
В тумане мир лежал впервые,
И, чуду радуясь во всем,
Срывал цветы я полевые,
Повсюду росшие кругом.
Когда я нищ был и богат,
Жив правдой и неправде рад.
Верни мне дух неукрощенный,
Дни муки и блаженства дни,

Жар ненависти, пыл влюбленный,
Дни юности моей верни!

Комический актер

Ах, друг мой, молодость тебе нужна,
Когда ты падаешь в бою, слабея;
Когда спасти не может седина
И вешаются девочки на шею;
Когда на состязанье беговом
Ты должен первым добежать до цели;
Когда на шумном пире молодым
Ты ночь проводишь в танцах и веселье.
Но руку в струны лиры запустить,
С которой неразлучен ты все время,
И не утратить изложения нить
В тобой самим свободно взятой теме,
Как раз тут в пользу зрелые лета,
А изречение, будто старец хилый
К концу впадает в детство, — клевета,

Но все мы дети до самой могилы.

Директор

Довольно болтовни салонной.

Не нам любезности плести.

Чем зря отвешивать поклоны,

Могли б мы к путному прийти.

Кто ждет в бездействии наитий,

Прождет их до скончанья дней.

В поэзии греметь хотите?

По-свойски расправляйтесь с ней.

Я вам сказал, что нам во благо.

Вы и варите вашу брагу.

Без разговоров за котел!

День проморгали, день прошел, –

Упущенного не вернете.

Ловите на ходу, в работе

Удобный случай за хохол.

Смотрите, на немецкой сцене

Резвятся кто во что горазд.

Скажите – бутафор вам даст

Все нужные приспособленья.

Потребуется верхний свет, –

Вы жгите, сколько вам угодно.

В стихии огненной, и водной,

И прочих недостатка нет.

В дощатом этом балагане

Вы можете, как в мирозданье,

Пройдя все ярусы подряд,

Сойти с небес сквозь землю в ад.[5 - Директор имеет в виду не суть Фауста и его гибель (в духе старой народной книги о докторе Фаусте), а широту замысла трагедии, действительно обнимающей и землю, и небо, и ад.]

Пролог на небе[6 - Этот второй пролог писался в 1797–1798 годах. Закончен в 1800 году. Как известно, в ответ на замечание Гёте, что байроновский «Манфред» является своеобразной переработкой «Фауста» (это, впрочем, нисколько не умаляло в глазах Гёте творение английского поэта), задетый этим Байрон сказал, что и «Фауст», в свою очередь, является подражанием великому испанскому поэту-драматургу Кальдерону (1666–1681); что песни Гретхен не что иное, как вольные переложения песен Офелии и Дездемоны (героинь Шекспира в «Гамлете» и «Отелло»); что, наконец, «Пролог на небе» – подражание книге Иова (Библия), этого, быть может, первого драматурга. Гёте познакомился с Кальдероном значительно позже, чем взялся за работу над «Фаустом», и едва ли когда-либо находился под

влиянием испанского поэта. Монологи и песни Гретхен только очень косвенно восходят к песням и монологам Офелии и Дездемоны. Что же касается книги Иова, то заимствование из нее подтверждено самим Гёте: «То, что экспозиция моего „Фауста“ имеет некоторое сходство с экспозицией Иова, верно, – сказал Гёте своему секретарю Эккерману, обсуждая с ним отзыв Байрона, – но меня за это следует скорее хвалить, чем порицать». Сходство обеих экспозиций (завязок) тем разительнее, что и библейский текст изложен в драматической форме.]

Господь, небесное воинство, потом Мефистофель. Три архангела.

Рафаил

В пространстве, хором сфер объятom,

Свой голос солнце подает,

Свершая с громовым раскатом

Предписанный круговорот.[7 - В этих стихах, как и в первом действии второй части «Фауста», Гёте говорит о гармонии сфер – понятии, заимствованном у древнегреческого философа Пифагора (VI век до н. э.).]

Дивятся ангелы господни,

Окинув взором весь предел.

Как в первый день, так и сегодня

Безмерна слава божьих дел.

Гавриил

И с непонятной быстротою
Внизу вращается земля,
На ночь со страшной темнотою
И светлый полдень круг деля.
И море пеной волн одето,
И в камни пеной бьет прибой,
И камни с морем мчит планета
По кругу вечно за собой.

Михаил

И бури, все попутно руша
И все обломками покрыв,
То в вольном море, то на суше
Безумствуют наперерыв.
И молния сбегает змеем,
И дали застилает дым,
Но мы, господь, благоговеем

Пред дивным промыслом твоим.

Все втроем

Мы, ангелы твои господни,

Окинув взором весь предел,

Поем, как в первый день, сегодня

Хвалу величию божьих дел.

Мефистофель

К тебе попал я, боже, на прием,

Чтоб доложить о нашем положении.

Вот почему я в обществе твоём

И всех, кто состоит тут в услуженье.

Но если б я произносил тирады,

Как ангелов высокопарный лик,

Тебя бы насмешил я до упаду,

Когда бы ты смеяться не отвык.

Я о планетах говорить стесняюсь,

Я расскажу, как люди бьются, маясь.

Божок вселенной, человек таков,

Каким и был он испокон веков.

Он лучше б жил чуть-чуть, не озари

Его ты божьей искрой изнутри.

Он эту искру разумом зовет

И с этой искрой скот скотом живет.

Прошу простить, но по своим приемам

Он кажется каким-то насекомым.

Полулетя, полускача,

Он свирит, как саранча.

О, если б он сидел в траве покоса

И во все дрызги не совал бы носа!

Господь

И это все? Опять ты за свое?

Лишь жалобы да вечное нытье?

Так на земле все для тебя не так?

Мефистофель

Да, господи, там беспросветный мрак,
И человеку бедному так худо,
Что даже я щажу его покуда.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб.

Мефистофель

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает тоже.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,
И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Господь

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник сажит деревцо,
Плод наперед известен садоводу.

Мефистофель

Поспоримте! Увидите воочью,

У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

Господь

Они тебе даны. Ты можешь гнать,
Пока он жив, его по всем уступам.
Кто ищет – вынужден блуждать.

Мефистофель

Пристрастья не питая к трупам,
Спасибо должен вам сказать.
Мне ближе жизненные соки,
Румянец, розовые щеки.
Котам нужна живая мышь,
Их мертвою не соблазнишь.

Господь

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.
Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.

Мефистофель

Поспорим. Вот моя рука,
И скоро будем мы в расчете.
Вы торжество мое поймете,
Когда он, ползая в помете,
Жрать будет прах от башмака,
Как пресмыкается века

Змея, моя родная тетя.[8 - Змея, в образе которой, согласно
библейскому мифу, сатана искушал праматерь Еву.]

Господь

Тогда ко мне являйся без стеснения.

Таким, как ты, я никогда не враг.

Из духов отрицанья ты всех мене

Бывал мне в тягость, плут и весельчак.

Из лени человек впадает в спячку.

Ступай, расшевели его застой,

Вертись пред ним, томи, и беспокой,

И раздражай его своей горячкой.

(Обращаясь к ангелам.)

Вы ж, дети мудрости и милосердья,

Любуйтесь красотой предвечной тверди.

Что борется, страдает и живет,

Пусть в вас любовь рождает и участие,

Но эти превращения в свой черед

Немеркнувшими мыслями украсьте.

Небо закрывается. Архангелы расступаются.

Мефистофель

(один)

Как речь его спокойна и мягка!

Мы ладим, отношений с ним не портя.

Прекрасная черта у старика

Так человечно думать и о черте.

Часть первая

Ночь[9 - Сцена до стиха «Любому дождевому червяку» написана в 1774–1775 годах и впоследствии подверглась лишь незначительной правке. Ею открывался фрагмент «Фауста» 1790 года; конец сцены дописан в 1797–1801 годах и впервые напечатан в издании первой части «Фауста» (1808).]

Тесная готическая комната со сводчатым потолком. Фауст без сна сидит в кресле за книгою на откидной подставке.

Фауст

Я богословьем овладел,
Над философией корпел,
Юриспруденцию долбил
И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком.
В магистрах, в докторях хожу
И за нос десять лет вожу
Учеников, как буквоед,
Толкуя так и сяк предмет.
Но знания это дать не может,
И этот вывод мне сердце гложет,
Хотя я разумнее многих хватов,
Врачей, попов и адвокатов,
Их точно всех попутал леший,
Я ж и пред чертом не опешу, –
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода

И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца,
А понял бы, уединясь,
Вселенной внутреннюю связь,
Постиг все сущее в основе
И не вдавался в суесловье.

О месяц, ты меня привык
Встречать среди бумаг и книг
В ночных моих трудах, без сна
В углу у этого окна.
О, если б тут твой бледный лик
В последний раз меня застиг!

О, если бы ты с этих пор
Встречал меня на высях гор,
Где феи с эльфами в тумане
Играют в прятки на поляне!
Там, там росой у входа в грот
Я б смысл учености налет!

Но как? Назло своей хандре
Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!
Где запыленные тома
Навалены до потолка;
Где даже утром полутьма
От черной гари ночника;
Где собран в кучу скарб отцов.
Таков твой мир! Твой отчий кров!

И для тебя еще вопрос,
Откуда в сердце этот страх?

Как ты все это перенес
И в заточенье не зачах,
Когда насильственно, взамен
Живых и богом данных сил,
Себя средь этих мертвых стен
Скелетами ты окружил?

Встань и беги, не глядя вспять!

А провожатым в этот путь

Творенье Нострадама взять

Таинственное не забудь.[10 - Нострадам (собственно, Мишель де Нотр Дам, 1503–1566) – лейб-медик французского короля Карла IX, обратил на себя внимание «пророчествами», содержащимися в его книге «Centuries» (Париж, 1555). Начиная с этих строк и до стиха «Несносный, ограниченный школяр» Гёте оперирует мистическими понятиями, почерпнутыми из книги шведского мистика Сведенборга (1688–1772), писателя, весьма модного в конце XVIII века (особенно почитаемого в масонских кругах). Так называемое «учение» Сведенборга в основном сводится к следующему: 1) весь «надземный» мир состоит из множества общающихся друг с другом «объединений духов», которые обитают на земле, на планетах, в воде и в огненной стихии; 2) духи существуют повсюду, но откликаются не всегда и не на всякий призыв; 3) обычно духовидец способен общаться только с духом доступной ему сферы; 4) со всеми «сферами» духов может общаться только человек, достигший высшей степени нравственного совершенства. Никогда не будучи поклонником Сведенборга, Гёте не раз выступал против модного увлечения мистикой и спиритизмом; тем не менее эти положения, заимствованные из «учения» Сведенборга, им

широко используются в ряде сцен его трагедии, где затрагиваются явления так называемого «потустороннего мира». Ремарка: Открывает книгу и видит знак макрокосма. – Макрокосм – вселенная, по Сведенборгу – весь духовный мир в его совокупности; Знак макрокосма – шестиконечная звезда.]

И ты прочтешь в движенье звезд,

Что может в жизни проистечь.

С твоей души спадет нарост,

И ты услышишь духов речь.

Их знаки, сколько ни грызи,

Не пища для сухих умов.

Но, духи, если вы вблизи,

Ответьте мне на этот зов!

(Открывает книгу и видит знак макрокосма.)

Какой восторг и сил какой напор

Во мне рождает это начертанье!

Я оживаю, глядя на узор,

И вновь бужу уснувшие желанья.

Кто из богов придумал этот знак?

Какое исцеленье от унынья

Дает мне сочетанье этих линий!

Расходится томивший душу мрак.

Все проясняется, как на картине.

И вот мне кажется, что сам я – бог

И вижу, символ мира разбирая,

Вселенную от края и до края.

Теперь понятно, что мудрец изрек:

«Мир духов рядом, дверь не на запоре,

Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.

Умойся в утренней заре, как в море,

Очнись, вот этот мир, войди в него».[11 - Мир духов рядом, дверь не на запоре... до слов: «Очнись, вот этот мир, войди в него» – переложенная в стихи цитата из Сведенборга; «заря» – по Сведенборгу, символ вечно возрождающегося мира.]

(Рассматривает внимательно изображение.)

В каком порядке и согласье

Идет в пространствах ход работ!

Все, что находится в запасе

В углах вселенной непчатых,
То тысяча существ крылатых
Поочередно подает
Друг другу в золотых ушатах
И вверх снует и вниз снует.
Вот зрелище! Но горе мне:
Лишь зрелище! С напрасным стоном,
Природа, вновь я в стороне
Перед твоим священным лоном!
О, как мне руки протянуть
К тебе, как пасть к тебе на грудь,
Прильнуть к твоим ключам бездонным!

(С досадою перевертывает страницу и видит знак земного духа.) Я
больше этот знак люблю.

Мне дух земли родней, желанней.

Благодаря его влиянью

Я рвусь вперед, как во хмелю.

Тогда, ручаюсь головой,

Готов за всех отдать я душу

И твердо знаю, что не струшу

В свой час крушенья роковой.

Клубятся облака,

Луна зашла,

Потух огонь светильни.

Дым! Красный луч скользит

Вкруг моего чела.

А с потолка,

Бросая в дрожь,

Пахнуло жутью замогильной!

Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.

Явись! Явись!

Как сердце ноет!

С какою силою дыханье захватило!

Все помыслы мои с тобой слились!

Явись! Явись!

Явись! Пусть это жизни стоит!

(Берет книгу и произносит таинственное заклинание. Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.) Дух

Кто звал меня?

Фауст

(отворачиваясь)

Ужасный вид!

Дух

Заклял меня своим призывом

Настойчивым, нетерпеливым,

И вот...

Фауст

Твой лик меня страшит.

Дух

Молил меня к нему явиться,
Услышать жаждал, увидеть,
Я сжалился, пришел и, глядь,
В испуге вижу духовидца!
Ну что ж, дерзай, сверхчеловек!
Где чувств твоих и мыслей пламя?
Что ж, возомнив сравняться с нами,
Ты к помощи моей прибег?
И это Фауст, который говорил
Со мной, как равный, с превышеньем сил?
Я здесь, и где твои замашки?
По телу бегают мурашки.
Ты в страхе вьешься, как червяк?

Фауст

Нет, дух, я от тебя лица не прячу.
Кто б ни был ты, я, Фауст, не меньше значу.

Дух

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я – океан,
И зыбь развития,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.

Фауст

О деятельный гений бытия,
Прообраз мой!

Дух

О нет, с тобою схож

Лишь дух, который сам ты познаешь,[12 - В двойном вызове духов и в двойной неудаче, постигшей Фауста, – завязка трагедии, решение Фауста добиться знания любыми средствами.] – Не я!

(Исчезает.)

Фауст

(сокрушенно)

Не ты?

Так кто же?

Я, образ и подобье божье,

Я даже с ним,

С ним, низшим, несравним!

Раздается стук в дверь.

Вот принесла нелегкая. В разгар

Видений этих дивных – мой подручный!

Всю прелесть чар рассеет этот скучный,
Несносный, ограниченный школяр!

Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, с лампою в руке. Фауст с неудовольствием поворачивается к нему.

Вагнер

Простите, не из греческих трагедий
Вы только что читали монолог?
Осмелился зайти к вам, чтоб в беседе
У вас взять декламации урок.
Чтоб проповедник шел с успехом в гору,
Пусть учится паренью у актера.

Фауст

Да, если проповедник сам актер,
Как наблюдается с недавних пор.

Вагнер

Мы век проводим за трудами дома
И только в праздник видим мир в очки.
Как управлять нам паствой незнакомой,
Когда мы от нее так далеки?

Фауст

Где нет нутра, там не поможешь потом.
Цена таким усилиям медный грош.
Лишь проповеди искренним полетом
Наставник в вере может быть хорош.
А тот, кто мыслью беден и усидчив,
Кропает понапрасну пересказ
Заимствованных отовсюду фраз,
Все дело выдержками ограничив.
Он, может быть, создаст авторитет
Среди детей и дурней недалеких,
Но без души и помыслов высоких
Живых путей от сердца к сердцу нет.

Вагнер

Но много значит дикция и слог,
Я чувствую, еще я в этом плох.

Фауст

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем обороты ярче и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья.

Вагнер

Ах, господи, но жизнь-то недолга,

А путь к познанию дальний. Страшно вчуже: И так уж ваш
покорнейший слуга

Пыхтит от рвения, а не стало б хуже!

Иной на то полжизни тратит,

Чтоб до источников дойти,

Глядишь – его на полпути

Удар от прилежанья хватит.

Фауст

Пергаменты не утоляют жажды.

Ключ мудрости не на страницах книг.

Кто к тайнам жизни рвется мыслью каждой,

В своей душе находит их родник.

Вагнер

Однако есть ли что милей на свете,

Чем уноситься в дух былых столетий

И умозаключат из их работ,
Как далеко шагнули мы вперед?

Фауст

О да, конечно, до самой луны!
Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядью заваленный чулан,
А некоторые еще плачевней –
Как кукольника старый балаган.
По мненью некоторых, наши предки
Не люди были, а марионетки.

Вагнер

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

Фауст

Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос.

На этот счет у нас не все в порядке.

Немногих, проникавших в суть вещей

И раскрывавших всем души скривали,

Сжигали на кострах и распинали,[13 - По мнению молодого Гёте, подлинная роль наук всегда прогрессивна, революционна; она основана не на изучении «источников», а на живом, действенном опыте, на активном участии в историческом бытии человечества.]

Как вам известно, с самых давних дней.

Но мы заговорились, спать пора.

Оставим спор, уже довольно поздно.

Вагнер

Я, кажется, не спал бы до утра

И все бы с вами толковал серьезно.
Но завтра Пасха, и в свободный час
Расспросами беспокою вас.
Я знаю много, погружен в занятия,
Но знать я все хотел бы без изъятия.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Охота надрываться чудаку!
Он кладеи ищет жадными руками
И, как находке, рад, копаясь в хламе,
Любому дождевому червяку.
Он смел нарушить тишину угла,
Где замирал я, в лица духов глядя.
На этот раз действительно хвала
Беднейшему из всех земных исчадий.

Я, верно, помешался бы один,
Когда б он в дверь ко мне не постучался.
Тот призрак был велик, как исполин,
А я, как карлик, перед ним терялся.

Я, названный подобьем божества,
Возмнил себя и вправду богоравным.
Настолько в этом ослепление явном
Я переоценил свои права!
Я счел себя явлением неземным,
Пронизывающим, как бог, творенье.
Решил, что я светлей, чем серафим,
Сильней и полновластнее, чем гений.
В возмездие за это дерзновение
Я уничтожен словом громовым.

Ты вправе, дух, меня бесславить.
Я мог тебя прийти заставить,
Но удержать тебя не мог.
Я испытал в тот миг высокий

Такую мощь, такую боль!
Ты сбросил вниз меня жестоко,
В людскую темную юдоль.
Как быть с внушеньями и снами,
С мечтами? Следовать ли им?
Что трудности, когда мы сами
Себе мешаем и вредим!

Мы побороть не в силах скуки серой,
Нам голод сердца большей частью чужд,
И мы считаем праздною химерой
Все, что превыше повседневных нужд.
Живейшие и лучшие мечты
В нас гибнут средь житейской суеты.
В лучах воображаемого блеска
Мы часто мыслью воспаряем вширь
И падаем от тяжести привеска,
От груза наших добровольных гирь.
Мы драпируем способами всеми
Свое безволие, трусость, слабость, лень.

Нам служит ширмой сострадания бремя,

И совесть, и любая дребедень.

Тогда всё отговорки, всё предлог,

Чтоб произвести в душе переполох.

То это дом, то дети, то жена,

То страх отравы, то боязнь поджога,

Но только вздор, но ложная тревога,

Но выдумка, но мнимая вина.

Какой я бог! Я знаю облик свой.

Я червь слепой, я пасынок природы,

Который пыль глотает пред собой

И гибнет под стопою пешехода.

Не в прахе ли проходит жизнь моя

Средь этих книжных полок, как в неволе?

Не прах ли эти сундуки старья

И эта рвань, изъеденная молью?

Итак, я здесь все нужное найду?

Здесь, в сотне книг, прочту я утверждение, Что человек терпел всегда
нужду

И счастье составляло исключенье?
Ты, голый череп посреди жилья!
На что ты намекаешь, зубы скаля?
Что твой владелец, некогда, как я,
Искавший радости, блуждал в печали?
Не смейтесь надо мной деленьем шкал,
Естествоиспытателя приборы!
Я, как ключи к замку, вас подбирал,
Но у природы крепкие затворы.
То, что она желает скрыть в тени
Таинственного своего покрова,
Не выманить винтами шестерни,
Ни силами орудья никакого.
Не тронутые мною черепки,
Алхимии отцовой пережитки.
И вы, исписанные от руки
И копотью покрывшиеся свитки!
Я б лучше расточил вас, словно мот,
Чем изнывать от вашего соседства.
Наследовать достоин только тот,

Кто может к жизни приложить наследство.

Но жалок тот, кто копит мертвый хлам.

Что миг рождает, то на пользу нам.

Но отчего мой взор к себе так властно

Та склянка привлекает, как магнит?

В моей душе становится так ясно,

Как будто лунный свет в лесу разлит.

Бутыль с заветной жидкостью густою,

Тянусь с благоговеньем за тобою!

В тебе я чту венец исканий наш.

Из сонных трав настоящая гуща,

Смертельной силою, тебе присущей,

Сегодня своего творца уважь!

Взгляну ли на тебя – и легче муки,

И дух ровней; тебя возьму ли в руки –

Волненье начинает убывать.

Все шире даль, и тянет ветром свежим,

И к новым дням и новым побережьям

Зовет зеркальная морская гладь.

Слетает огненная колесница,
И я готов, расправив шире грудь,
На ней в эфир стрелою устремиться,
К неведомым мирам направить путь.
О, эта высь, о, это просветленье!
Достоин ли ты, червь, так вознестись?
Спиною к солнцу стань без сожаленья,
С земным существованьем распротись.
Набравшись духу, выломай руками
Врата, которых самый вид страшит!

На деле докажи, что пред богами
Решимость человека устоит!
Что он не дрогнет даже у преддверья
Глухой пещеры, у того жерла,
Где мнительная сила суеверья
Костры всей преисподней разожгла.
Распорядись собой, прими решение,

Хотя бы и ценой уничтоженья.

Пожалуй-ка, наследственная чара,

И ты на свет из старого футляра.

Я много лет тебя не вынимал.

Играя радугой хрустальных граней,

Бывало, радовала ты собрание,

И каждый залпом чару осушал.

На этих торжествах семейных гости

Стихами изъяснялись в каждом тосте.

Ты эти дни напомнил мне, бокал.

Сейчас сказать я речи не успею,

Напиток этот действует скорее,

И медленней струя его течет.

Он дело рук моих, моя затея,

И вот я пью его душою всею

Во славу дня, за солнечный восход.

(Подносит бокал к губам.)

Колокольный звон и хоровое пение.[14 - Последующие хоры мироносиц, ангелов, учеников и т. д. поются не «потусторонними силами», а участниками крестного хода в пасхальную ночь.]

Хор ангелов

Христос воскрес!

Преодоление

Смерти и тления

Славьте, селение,

Пашня и лес.

Фауст

Река гудящих звуков отвела

От губ моих бокал с отравой этой.

Наверное, уже колокола

Христову Пасху возвестили свету

И в небе ангелы поют хорал,

Который встарь у гроба ночью дал

Начало братству Нового Завета.

Хор мироносиц

От посторонних

Тело укрыли.

Всё в благовоньях,

В гроб положили.

Под пеленами

Камня плита.

Нет в них пред нами

Больше Христа.

Хор ангелов

Христос воскрес!

Грехопадения,

Смерти и тления

След с поколения

Смыт и исчез.

Фауст

Ликующие звуки торжества,

Зачем вы раздаетесь в этом месте?

Гудите там, где набожность жива,

А здесь вы не найдете благочестья.[15 - Как видно из этого стиха, Фауста удерживает от самоубийства не вера в евангельского «спасителя», а чувство единения с ликующим народом и нахлынувшие воспоминания детства; в следующей сцене, в особенности же в конце трагедии, в знаменитом предсмертном монологе Фауст снова проникается этим чувством единения.]

Ведь чудо – веры лучшее дитя.

Я не сумею унести в те сферы,

Откуда радостная весть пришла.

Хотя и ныне, много лет спустя,

Вы мне вернули жизнь, колокола,

Как в памятные годы детской веры,

Когда вы оставляли на челе

Свой поцелуй в ночной тиши субботней,

Ваш гул звучал таинственней во мгле,

Молитва с уст срывалась безотчетней.

Я убежал на луговой откос,

Такая грусть меня обуревала!
Я плакал, упиваясь счастьем слез,
И мир во мне рождался небывалый,
С тех пор в душе со Светлым воскресеньем
Связалось все, что чисто и светло.
Оно мне веяньем своим весенним
С собой покончить ныне не дало.
Я возвращен земле. Благодаренье
За это вам, святые песнопенья!

Хор учеников

Смерти раздавлена,
Попрана злоба:
Новопреставленный
Вышел из гроба.
Пусть он в обители
За облаками,
Имя учителя –
С учениками.

Выстоим преданно

Все превращенья.

Нам заповедано

Это ученье.

Хор ангелов

Христос воскрес!

Пасха Христова

С нами, и снова

Жизнь до основы

Вся без завес.

Будьте готовы

Сбросить оковы

Силой святого

Слова его,

Тленья земного,

Сна гробового,

С сердца любого,

С мира всего.

У ворот[16 - Эта сцена в основном написана в 1801 году с использованием нескольких набросков более раннего происхождения.]

Толпы гуляющих направляются за город.

Несколько подмастерьев

Куда такой толпой?

Другие

В стрелковый тир лесной.

Первые

А мы ватагой к мельничной запруде.

Один из подмастерьев

На гать ступайте. Вот где красота.

Второй подмастерье

Далекий путь. Неважные места.

Из второй группы

А ты куда?

Третий подмастерье

Туда, куда и люди.

Четвертый

Таких, как возле замка в слободе,

Ни девушек, ни пива нет нигде.

И первый сорт задиры и скандалы.

Пятый

Так у тебя опять, у хвастуна,
По их побоям чешется спина?
Я этим сыт надолго до отвала.

Служанка

Нет, лучше я пойду домой.

Другая служанка

Наверно, он за тополями теми.

Первая

А мне в нем интерес какой?

Он за тобой таскается все время,

А я, как дура, радуйся на вас,

Когда вдвоем пускаетесь вы в пляс.

Вторая

Сегодня, кажется, он не один.

С ним, помнишь, тот кудрявчик господин.

Студент

Гляди, девчонка под руку с девчонкой!

А ну-ка за обеими вдогонку!

Да, брат, покрепче пиво и табак

Да девочки – на это я мастак.

Девушка-горожанка

Могу сказать, студенты-кавалеры!

Я удивляюсь, как не стыдно им.

У барышень хорошие манеры,

Они же липнут к горничным простым.

Второй студент

(первому)

Да не беги ты! Видишь, сзади две,

И обе из порядочного дома.

Одна из них с соседями в родстве,

И потому мы шапочно знакомы.

Раскланяемся с ними, подойдем

И совершим прогулку вчетвером.

Первый студент

Нет, брат, одно стеснение эта знать.

Я отдаю служанкам предпочтенье.

Та, что в субботу будет подметать,

Всех лучше приголубит в воскресенье.

Горожанин

Беда нам с новым бургомистром.

Он все решает с видом быстрым,

А пользой нашей пренебрег.

Дела все хуже раз от разу,
И настоятельней приказы,
И непосильнее налог.

Нищий

(поет)

Вы, судари мои и дамы,
Пошли господь вам много лет!
Подайте нищему у храма,
Я голоден и не одет!
В день праздничного ликования
Рука дающего легка.
Не откажите в подаянье
И пожалейте старика!

Второй горожанин

По праздникам нет лучше развлечения,

Чем толки за стаканчиком вина,
Как в Турции далекой, где война,
Сражаются друг с другом ополченья.
Подходишь у трактирщика к окну
И смотришь – по реке идут баркасы,
И после, дома, отходя ко сну,
Благословляешь миролюбие часа.

Третий горожанин

Я тоже так смотрю, сосед.
Пусть у других неразбериха,
Передерись хотя весь свет,
Да только б дома было тихо.

Старуха

(девушкам-горожанкам)

Ах, ягодки-красавицы мои!

Глаз не отвести от вашего наряда.

Зачем чураетесь ворожей?

Я раздобыть сумею, что вам надо.

Первая девушка

Агата, что ты! Постыдись греха!

При встречных заговаривать с колдуньей!

Она мне будущего жениха

Недавно показала в новолунье.

Вторая девушка

И мне, в хрустальном шаре. Он солдат.

Средь удалцов, бросающихся в сечу.

С тех пор по сторонам бросаю взгляд,

Но, сколько ни ищу, нигде не встречу.

Солдаты

Рвы, частоколы,

Стены, ограды,

Женского пола

Гордые взгляды

Перед осадой

Не устоят.

Ради награды

Бьется солдат.

Перед началом

Всякой атаки,

Перед привалом

Трубят вояки.

Штурмы с паденьем

Женщин и стен,

Вот что мы ценим,

Прочее – тлен.

Ради награды

Бьется солдат.

Утром уходит

Дальше отряд.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Растаял лед, шумят потоки,
Луга зеленеют под лаской тепла.
Зима, размякнув на припеке,
В суровые горы подальше ушла.
Оттуда она крупую мелкой
Забрасывает зелены,
Но солнце всю ее побелку
Смывает к середине дня.
Все хочет цвести, росток и ветка,
Но на цветы весна скупа,
И вместо них своей расцветкой
Пестрит воскресная толпа.
Взгляни отсюда вниз с утеса
На городишко у откоса.
Смотри, как валит вдаль народ

Из старых городских ворот.
Всем хочется вздохнуть свободней,
Все рвутся вон из толкотни.
В день воскресения господня
Воскресли также и они.
Они восстали из-под гнета
Конур, подвалов, верстаков,
Ремесленных оков без счета,
Нависших крыш и чердаков,
И высыпали на прогулку
Из хмуращейся тьмы церквей,
Из узенького закоулка,
И растеклись ручьев живей,
И бросились к речным причалам,
И рыщут лодки по реке,
И тяжело грести усталым
Гребцам в последнем челноке.
По горке ходят горожане,
Они одеты щегольски,
А в отдаленье на поляне

В деревне пляшут мужики.

Как человек, я с ними весь:

Я вправе быть им только здесь.

Вагнер

Прогулка с вами на свободе

Приносит честь и пользу мне.

Но от забав простонародья

Держусь я, доктор, в стороне.[17 - В противоположность Фаусту, который только в общении с народом ощущает себя человеком, Вагнер, представитель схоластической науки, обращенной к прошлому, к «источникам», является народоненавистником, отщепенцем.]

К чему б крестьяне ни прибегли,

И тотчас драка, шум и гам.

Их скрипки, чехарда, и кегли,

И крик невыносимы нам.

Крестьяне

(под липою; пляски и пение)

Плясать отправился пастух,
Оделся, разрядился в пух,
Цветов в камзол натыкал.
Под липой шла уж кутерьма,
Кружились пары без ума,
Скрипач вовсю пиликал.

Протискиваясь в этот круг,
Столкнулся с девушкой пастух
Румяною и свежей,
И та ему, скользя из рук:
«Пожалуйста, без этих штук!
Не надо быть невежей!»

Но, на нее взглянув в упор,
Стал девушку кружить танцор,
И зашумели юбки.
И все нежней за туром тур
Шептался с нею балагур,

Не вымолив уступки.

«Как только врать не надоест!

Довольно из-за вас невест

Пропало по ошибке!»

Но недотрогу в уголок

Он понемногу уволок

От скрипача и скрипки.

Старик

Мне, доктор, поручил народ

Вам благодарность принести.

Вы оказали нам почет,

Не погнушавшись к нам прийти.

Ученость ваша у крестьян

Прославлена и всем видна.

Вот полный доверху стакан,

И сколько капель в нем вина,

Пусть столько же счастливых дней
Вам бог прибавит к жизни всей.

Фауст

Желаю здоровья вам в ответ
В течение столь же многих лет.

Народ обступает их.

Старик

Отрадно вспомнить в светлый день,
Как жертвовали вы собой
Для населенья деревень
В дни черной язвы моровой.
Иного только потому
Ужасный миновал конец,
Что нам тогда избыть чуму
Помог покойный ваш отец.

Вас не пугал ее очаг.

И – юноша еще тогда –

Входили вы к больным в барак

И выходили без вреда.

За близость с братиею низшей

Хранила вас десница свыше.

Все

Храни вас господи и впредь,

Чтоб не давали нам болеть.

Фауст

Вам следует благодарить

Того, кто всех учил любить.

(Проходит с Вагнером дальше.)

Вагнер

Вы можете всем этим быть горды,
Как вы любимы деревенским людом!
Большое счастье – пожинать плоды
Способностей, не сгинувших под спудом.
Вы появились – шапки вверх летят,
Никто не пляшет, пораженный чудом,
Вас пропускают, выстроившись в ряд,
Еще немного, – позовут ребят
И станут перед вами на колени,
Как пред святыней, чтимою в селенье.

Фауст

Давай дойдем до этой крутизны
И там присядем. Часто я, бывало,
На той скале сидел средь тишины,
Весь от поста худой и отощальный.
Ломая руки, я мольбой горел,
Чтоб бог скорей избавил нас от мора

И положил поветрию предел.
Так уповал и верил я в ту пору!
И для меня насмешкою звучит
Тех тружеников искреннее слово.
От их речей охватывает стыд
И за себя, и за дела отцовы.
Отец мой, нелюдим-оригинал,
Всю жизнь провел в раздумьях о природе.
Он честно голову над ней ломал,
Хотя и по своей чудной методе.
Алхимии тех дней забытый столп,
Он запирался с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали «лилиею» серебро,
«Львом» – золото, а смесь их – связью в браке.
Полученное на огне добро,
«Царицу», мыли в холодильном баке,
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,

Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал,
Так мой отец своим мудреным зельем
Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвления,
И сам отраву тысячам давал.

Вагнер

Корить себя решительно вам нечем.
Скорей была заслуга ваша в том,
Что вы воспользовались целиком
Уменьем, к вам от старших перешедшим.
Для сыновей отцовский опыт свят.
Они его всего превыше ставят.
Ваш сын ведь тоже переймет ваш взгляд
И после новое к нему прибавит.

Фауст

Блажен, кто вырваться на свет

Надеется из лжи окружной.

В том, что известно, пользы нет,

Одно неведомое нужно.

Но полно вечер омрачать

Своей тоскою беспричинной.

Смотри: закат свою печать

Накладывает на равнину.

День прожит, солнце с вышины

Уходит прочь в другие страны.

Зачем мне крылья не даны

С ним вровень мчаться неустанно!

На горы в пурпуре лучей

Заглядывался б я в полете

И на серебряный ручей

В вечерней темной позолоте.

Опасный горный перевал

Не останавливал бы крыльев.
Я море бы пересекал,
Движение этих крыл усилив.
Когда б зари вечерней свет
Грозил погаснуть в океане,
Я б налегал дружнее вслед
И нагонял его сиянье.
В соседстве с небом надо мной,
С днем впереди и ночью сзади,
Я реял бы над водной гладью.
Жаль, нет лишь крыльев за спиной.
Но всем знаком порыв врожденный
Куда-то ввысь, туда, в зенит,
Когда из синевы бездонной
Песнь жаворонка зазвенит,
Или когда вверху над бором
Парит орел, или вдали
Осенним утренним простором
К отлету тянут журавли.

Вагнер

И на меня капризы находили,
Но не припомню я таких причуд.
Меня леса и нивы не влекут,
И зависти не будят птичьи крылья.
Моя отрада – мысленный полет
По книгам, со страницы на страницу.
Зимой за чтеньем быстро ночь пройдет,
Тепло по телу весело струится,
А если попадется редкий том,
От радости я на небе седьмом.

Фауст

Ты верен весь одной струне
И не задет другим недугом,
Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка

И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.
О, если бы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный
Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!
О, если б, плащ волшебный взяв,
Я б улетал куда угодно! –
Мне б царских мантий и держав
Милей был этот плащ походный.

Вагнер

Не призывайте лучше никогда
Существ, живущих в воздухе и ветре.
Они распространители вреда,
Смертей повальных, моровых поветрий.
То демон севера заладит дуть
И нас проймет простудою жестокой,

То нам пойдет сушить чахоткой грудь
Томительное веянье востока,
То с юга из пустыни суховей
Нас солнечным ударом стукнет в темя,
То запад целой армией дождей
Повадится нас поливать все время.
Не доверяйте духам темноты,
Роящимся в ненастной серой дымке,
Какими б ангелами доброты
Ни притворялись эти невидимки.
Пойдемте, впрочем. На землю легла
Ночная сырость, нависает мгла,
Хорош по вечерам уют домашний!
На что, однако, вы вперили взор
И смотрите как вкопанный в упор?

Фауст

Заметил, черный пес бежит по пашне?[18 - В народной книге о докторе Фаусте также встречается «собака Фауста» по кличке

Прехтигиар, меняющая окраску и помогающая своему хозяину во всех его проделках.]

Вагнер

Давно заметил. Что же из того?

Фауст

Кто он? Ты в нем не видишь ничего?

Вагнер

Обыкновенный пудель, пес лохматый,

Своих хозяев ищет по следам.

Фауст

Кругами, сокращая их охваты,

Все ближе подбирается он к нам.

И, если я не ошибаюсь, пламя

За ним змеится по земле полян.

Вагнер

Не вижу. Просто пудель перед нами,

А этот след – оптический обман.

Фауст

Как он плетет вокруг нас свои извивы!

Магический их смысл не так-то прост.

Вагнер

Не замечаю. Просто пес трусливый,

Чужих завидев, поджимает хвост.

Фауст

Все меньше круг. Он подбегает. Стой!

Вагнер

Вы видите, не призрак – пес простой.

Ворчит, хвостом виляет, лег на брюхо.

Все как у псов, и непохож на духа.

Фауст

Не бойся! Смирно, пес! За мной! Не тронь!

Вагнер

Забавный пудель. И притом – огонь.

Живой такой, понятливый и бойкий,

Поноску знает, может делать стойку.

Оброните вы что-нибудь – найдет.

За брошенною палкой в пруд нырнет.

Фауст

Да, он не оборотень, дело ясно.

К тому же, видно, вышколен прекрасно.

Вагнер

Серьезному ученому забавно

Иметь собаку с выучкой исправной.

Пес этот, судя по его игре,

Наверно, у студентов был в муштре.

Входят в городские ворота.

Рабочая комната Фауста[19 - Сцена предположительно написана в 1800 году.]

Входит Фауст с пуделем.

Фауст

Оставил я поля и горы,

Окутанные тьмой ночной.

Открылось внутреннему взору
То лучшее, что движет мной.
В душе, смилившей вожделенья,
Свершается переворот.
Она любовью к провиденью,
Любовью к ближнему живет.

Пудель, уймись и по комнате тесной не бегай!
Полно ворчать и обнюхивать дверь и порог.
Ну-ка – за печку и располагайся к ночлегу.
Право, приятель, на эту подушку бы лег.
Очень любезно нас было прыжками забавить.
В поле, на воле, уместна твоя беготня.
Здесь тебя просят излишнюю резвость оставить.
Угомонись и пойми: ты в гостях у меня.

Когда в глубоком мраке ночи
Каморку лампа озарит,
Не только в комнате рабочей,
И в сердце как бы свет разлит.

Я слышу разума внушенья.

Я возрождаюсь и хочу

Припасть к источникам творенья,

К живительному их ключу.

Пудель, оставь! С вдохновеньем минуты,

Вдруг охватившим меня невзначай,

Несовместимы ворчанье и лай.

Более свойственно спеси надутой

Лаять на то, что превыше ее.

Разве и между собачьих ухваток

Водится этот людской недостаток?

Пудель! Оставь беготню и вытье.

Но вновь безволие, и упадок,

И вялость в мыслях, и разброд.

Как часто этот беспорядок

За просветленьем настает!

Паденья эти и подъемы

Как в совершенстве мне знакомы!

От них есть средство искони:

Лекарство от душевной лени –

Божественное откровенье,

Всесильное и в наши дни.

Всего сильнее им согреты

Страницы Нового Завета.

Вот, кстати, рядом и они.

Я по-немецки все Писанье

Хочу, не пожалев старанья,

Уединившись взаперти,

Как следует перевести.

(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.) «В начале было Слово».[20 - Гёте приводит здесь начало первого стиха из евангелия от Иоанна; Гердер, комментируя этот евангельский текст и греческий богословский термин «логос» (слово), пишет (в своих «Комментариях к Новому завету»): «Слово! Но немецкое „слово“ не передает того, что выражает это древнее понятие... слово! смысл! воля! дело! деятельная любовь!» Гёте в соответствии со своим пониманием бытия, исторического и природного, предпочитает всем этим определениям понятие «дело»: «В начале было дело» – стих гласит».] С первых строк

Загадка. Так ли понял я намек?

Ведь я так высоко не ставлю слова,

Чтоб думать, что оно всему основа.

«В начале Мысль была». Вот перевод.

Он ближе этот стих передает.

Подумаю, однако, чтобы сразу

Не погубить работы первой фразой.

Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?

«Была в начале Сила». Вот в чем суть.

Но после небольшого колебания

Я отклоняю это толкование.

Я был опять, как вижу, с толку сбит:

«В начале было Дело», – стих гласит.

Если ты хочешь жить со мною,

То чтоб без воя.

Что за возня?

Понял ты, пудель? Смотри у меня!

Кроме того, не лай, не балуй.

Очень ты, брат, беспокойный малый.

Одному из нас двоих

Придется убраться из стен моих.

Ну, так возьми на себя этот шаг.

Нечего делать. Вот дверь. Всех благ!

Но что я вижу! Вот так гиль!

Что это, сказка или быль?

Мой пудель напыжился, как пузырь,

И все разбухает ввысь и вширь.

Он может до потолка достать.

Нет, это не собачья статья!

Я нечисть ввел себе под свод!

Раскрыла пасть, как бегемот,

Огнем глазища налиты, –

Тварь из бесовской мелкоты.

Совет, как пакость обуздать,

«Ключ Соломона»[21 - «Ключ Соломона»– мистическая книга, в XVIII веке получившая широкое распространение в масонских кругах.]
может дать.

Духи

(в сенях)

Один из нас в ловушке,

Но внутрь за ним нельзя.

Наш долг помочь друг дружке,

За дверью лебезя.

Вертитесь втихомолку,

Чтоб нас пронюхал бес

И к нам в дверную щелку

На радостях пролез.

Узнав, что есть подмога

И он в родном кругу,

Он ринется к порогу,

Мы все пред ним в долгу.

Фауст

Чтоб зачураться от собаки,

Есть заговор четверякий!

Саламандра, жгись,[22 - Саламандра, жгись. – Саламандра, Ундина, Сильфа, Кобольд обозначают: первая – стихию огня, вторая – стихию воды, третья – воздух и четвертая – землю.]

Ундина, вейся,

Сильф, рассейся,
Кобольд, трудись!
Кто слышит впервые
Про эти стихии,
Их свойства и строй,
Какой заклинатель?
Кропатель пустой!

Раздуй свое пламя,
Саламандра!
Разлейся ручьями,

Ундина!
Сильф, облаком взмой!
Инкуб, домовой,
В хозяйственном хламе,
Что нужно, отрой!

Из первоматерий
Нет в нем ни одной.

Не стало ни больно, ни боязно зверю.

Разлегся у двери, смеясь надо мной.

Заклятья есть строже,

Поганая рожа, стой!

Ты выходец бездны,

Приятель любезный?

Вот что без утайки открой.

Вот символ святой,

И в дрожь тебя кинет,

Так страшен он вашей всей шайке клятой!

Гляди-ка, от ужаса шерсть он щетинит!

Глазами своими

Бесстыжими, враг,

Прочтешь ли ты имя,

Осилишь ли знак

Несотворенного,

Неизреченного,

С неба сошедшего, в лето Пилатово

Нашего ради спасенья распятого?

За печку оттеснен,

Он вверх растёт, как слон,

Готовый, словно дым,

По потолку расплыться.

Ложись к ногам моим

На эту половицу!

Я сделать все могу

Еще с тобой, несчастный!

Я троицей сожгу

Тебя триипостасной!

На это сила есть,

Поверь, у чародея.

Мефистофель

(выходит, когда дым рассеивается, из-за печи в одежде странствующего студента) Что вам угодно? Честь

Представиться имею.

Фауст

Вот, значит, чем был пудель начинен!

Скрывала школяра в себе собака?

Мефистофель

Отвешу вам почтительный поклон.

Ну, вы меня запарили, однако!

Фауст

Как ты зовешься?

Мефистофель

Мелочный вопрос

В устах того, кто безразличен к слову,

Но к делу лишь относится всерьез

И смотрит в корень, в суть вещей, в основу.

Фауст

Однако специальный атрибут

У вас обычно явствует из кличек:

Мушиный царь, обманщик, враг, обидчик,

Смотря как каждого из вас зовут:

Ты кто?

Мефистофель

Часть силы той, что без числа

Творит добро, всему желая зла.

Фауст

Нельзя ли это проще передать?

Мефистофель

Я дух, всегда привыкший отрицать.

И с основанием: ничего не надо.

Нет в мире вещи, стоящей пощады,

Творенье не годится никуда.

Итак, я то, что ваша мысль связала

С понятием разрушенья, зла, вреда.

Вот прирожденное мое начало,

Моя среда.

Фауст

Ты говоришь, ты – часть, а сам ты весь

Стоишь передо мною здесь?

Мефистофель

Я верен скромной правде. Только спесь

Людская ваша с самомнением смелым

Себя считает вместо части целым.

Я – части часть, которая была

Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот – порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел – поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,
И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.

Фауст

Так вот он в чем, твой труд почтенный!
Не сладив в целом со вселенной,
Ты ей вредишь по мелочам?

Мефистофель

И безуспешно, как я ни упрям.
Мир бытия – досадно малый штрих

Среди небытия пространств пустых.
Однако до сих пор он непреклонно
Мои нападки сносит без урона.
Я донимал его землетрясеньем,
Пожарами лесов и наводненьем, —
И хоть бы что! Я цели не достиг.
И море в целости и материк.
А люди, звери и порода птичья,
Мори их не мори, им трын-трава.
Плодятся вечно эти существа,
И жизнь всегда имеется в наличие.
Иной, ей-ей, рехнулся бы с тоски!
В земле, в воде, на воздухе свободном
Зародыши роятся и ростки
В сухом и влажном, теплом и холодном.
Не завладей я областью огня,
Местечка не нашлось бы для меня.

Фауст

Итак, живительным задаткам,
Производящим все кругом,
Объятый зависти припадком,
Грозишь ты злобно кулаком?
Что ж ты поинтересней дела
Себе, сын ночи, не припас?

Мефистофель

Об этом надо будет зрело
Подумать в следующий раз.
Теперь позвольте удалиться.

Фауст

Прощай, располагай собой.
Знакомый с тем, что ты за птица,
Прошу покорно в час любой.
Ступай. В твоём распоряженье
Окно, и дверь, и дымоход.

Мефистофель

Я в некотором затрудненье.

Мне выйти в сени не дает

Фигура под дверною рамой.

Фауст

Ты испугался пентаграммы?

Каким же образом тогда

Вошел ты чрез порог сюда?

Как оплошал такой пройдоха?

Мефистофель

Всмотритесь. Этот знак начертан плохо.

Наружный угол вытянут в длину

И оставляет ход, загнувшись с края.

Фауст

Скажи-ка ты, нечаянность какая!

Так, стало быть, ты у меня в плену?

Не мог предугадать такой удачи!

Мефистофель

Мог обознаться пудель на бегу,

Но с чертом дело обстоит иначе:

Я вижу знак и выйти не могу.

Фауст

Но почему не лезешь ты в окно?

Мефистофель

Чертям и призракам запрещено

Наружу выходить иной дорогой,

Чем внутри вошли; закон на это строгий.

Фауст

Ах, так законы есть у вас в аду?

Вот надо будет что иметь в виду

На случай договора с вашей братьей.

Мефистофель

Любого обязательства принятие

Для нас закон со всеми наряду.

Мы не меняем данных обещаний.

Договорим при будущем свиданье,

На этот раз спешу я и уйду.

Фауст

Еще лишь миг, и я потом отстану:

Два слова только о моей судьбе.

Мефистофель

Я как-нибудь опять к тебе нагряну,

Тогда и предадимся ворожке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<https://www.litres.ru/iogann-volfgang-fon-gete/faust/?lfrom=362673004>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

«Посвящение» к «Фаусту» написано 24 июня 1797 года. Как и «Посвящение» к собранию сочинений Гёте, оно написано октавами – восьмистрочной строфой, весьма распространенной в итальянской литературе и впервые перенесенной Гёте в немецкую поэзию. «Посвящением» к «Фаусту» Гёте отметил знаменательное событие – возвращение к работе над этой трагедией (над окончанием первой ее части и рядом набросков, впоследствии вошедших в состав второй части).

2

Из слушателей первых сцен «Фауста» умерли к тому времени (1797): сестра поэта Корнелия Шлоссер, друг юности Мерк, поэт Ленц; другие, как-то: поэты Клопшток, Клингер, братья Штольберги жили вдали от Веймара и в отчуждении от Гёте; отчуждение наблюдалось тогда и между Гёте и Гердером.

3

Написано в 1797 (1798?) году. Комментаторами считается подражанием драме индийского писателя Калидасы «Сакунтала», которую Гёте расценивал как «одно из величайших проявлений человеческого гения». Во всяком случае, и драме Калидасы предпослан пролог, в котором происходит беседа между директором театра и актрисой.

4

Гёте дает здесь краткую характеристику трех основных жанров поэзии: «Кто с бурей сближает чувств смятенье» характеризует драму; «Роднит печаль с закатом у реки» – эпос; «Чьей волею цветущее растение // На любящих роняет лепестки» – лирику.

5

Директор имеет в виду не суть Фауста и его гибель (в духе старой народной книги о докторе Фаусте), а широту замысла трагедии, действительно обнимающей и землю, и небо, и ад.

Этот второй пролог писался в 1797–1798 годах. Закончен в 1800 году. Как известно, в ответ на замечание Гёте, что байроновский «Манфред» является своеобразной переработкой «Фауста» (это, впрочем, нисколько не умаляло в глазах Гёте творение английского поэта), задетый этим Байрон сказал, что и «Фауст», в свою очередь, является подражанием великому испанскому поэту-драматургу Кальдерону (1666–1681); что песни Гретхен не что иное, как вольные переложения песен Офелии и Дездемоны (героинь Шекспира в «Гамлете» и «Отелло»); что, наконец, «Пролог на небе» – подражание книге Иова (Библия), этого, быть может, первого драматурга. Гёте познакомился с Кальдероном значительно позже, чем взялся за работу над «Фаустом», и едва ли когда-либо находился под влиянием испанского поэта. Монологи и песни Гретхен только очень косвенно восходят к песням и монологам Офелии и Дездемоны. Что же касается книги Иова, то заимствование из нее подтверждено самим Гёте: «То, что экспозиция моего „Фауста“ имеет некоторое сходство с экспозицией Иова, верно, – сказал Гёте своему секретарю Эккерману, обсуждая с ним отзыв Байрона, – но меня за это следует скорее хвалить, чем порицать». Сходство обеих экспозиций (завязок) тем разительнее, что и библейский текст изложен в драматической форме.

7

В этих стихах, как и в первом действии второй части «Фауста», Гёте говорит о гармонии сфер – понятии, заимствованном у древнегреческого философа Пифагора (VI век до н. э.).

8

Змея, в образе которой, согласно библейскому мифу, сатана искушал праматерь Еву.

9

Сцена до стиха «Любому дождевому червяку» написана в 1774–1775 годах и впоследствии подверглась лишь незначительной правке. Ею открывался фрагмент «Фауста» 1790 года; конец сцены дописан в 1797–1801 годах и впервые напечатан в издании первой части «Фауста» (1808).

Нострадам (собственно, Мишель де Нотр Дам, 1503–1566) – лейб-медик французского короля Карла IX, обратил на себя внимание «пророчествами», содержащимися в его книге «Centuries» (Париж, 1555). Начиная с этих строк и до стиха «Несносный, ограниченный школяр» Гёте оперирует мистическими понятиями, почерпнутыми из книги шведского мистика Сведенборга (1688–1772), писателя, весьма модного в конце XVIII века (особенно почитаемого в масонских кругах). Так называемое «учение» Сведенборга в основном сводится к следующему: 1) весь «надземный» мир состоит из множества общающихся друг с другом «объединений духов», которые обитают на земле, на планетах, в воде и в огненной стихии; 2) духи существуют повсюду, но откликаются не всегда и не на всякий призыв; 3) обычно духовидец способен общаться только с духом доступной ему сферы; 4) со всеми «сферами» духов может общаться только человек, достигший высшей степени нравственного совершенства. Никогда не будучи поклонником Сведенборга, Гёте не раз выступал против модного увлечения мистикой и спиритизмом; тем не менее эти положения, заимствованные из «учения» Сведенборга, им широко используются в ряде сцен его трагедии, где затрагиваются явления так называемого «потустороннего мира». Ремарка: Открывает книгу и видит знак макрокосма. – Макрокосм – вселенная, по Сведенборгу – весь духовный мир в его совокупности; Знак макрокосма – шестиконечная звезда.

11

Мир духов рядом, дверь не на запоре... до слов: «Очнись, вот этот мир, войди в него» – переложенная в стихи цитата из Сведенборга; «заря» – по Сведенборгу, символ вечно возрождающегося мира.

12

В двойном вызове духов и в двойной неудаче, постигшей Фауста, – завязка трагедии, решение Фауста добиться знания любыми средствами.

По мнению молодого Гёте, подлинная роль наук всегда прогрессивна, революционна; она основана не на изучении «источников», а на живом, действенном опыте, на активном участии в историческом бытии человечества.

14

Последующие хоры мироносиц, ангелов, учеников и т. д. поются не «потусторонними силами», а участниками крестного хода в пасхальную ночь.

Как видно из этого стиха, Фауста удерживает от самоубийства не вера в евангельского «спасителя», а чувство единения с ликующим народом и нахлынувшие воспоминания детства; в следующей сцене, в особенности же в конце трагедии, в знаменитом предсмертном монологе Фауст снова проникается этим чувством единения.

16

Эта сцена в основном написана в 1801 году с использованием нескольких набросков более раннего происхождения.

В противоположность Фаусту, который только в общении с народом ощущает себя человеком, Вагнер, представитель схоластической науки, обращенной к прошлому, к «источникам», является народоненавистником, отщепенцем.

18

В народной книге о докторе Фаусте также встречается «собака Фауста» по кличке Прехтигиар, меняющая окраску и помогающая своему хозяину во всех его проделках.

19

Сцена предположительно написана в 1800 году.

Гёте приводит здесь начало первого стиха из евангелия от Иоанна; Гердер, комментируя этот евангельский текст и греческий богословский термин «логос» (слово), пишет (в своих «Комментариях к Новому завету»): «Слово! Но немецкое „слово“ не передает того, что выражает это древнее понятие... слово! смысл! воля! дело! деятельная любовь!» Гёте в соответствии со своим пониманием бытия, исторического и природного, предпочитает всем этим определениям понятие «дело»: «В начале было дело» – стих гласит».

«Ключ Соломона»— мистическая книга, в XVIII веке получившая широкое распространение в масонских кругах.

Саламандра, жгись. – Саламандра, Ундина, Сильфа, Кобольд обозначают: первая – стихию огня, вторая – стихию воды, третья – воздух и четвертая – землю.